

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ БАЛЕТ

ВЧЕРА в Ленинграде на сцене Консерватории начались гастролы балетной группы парижской национальной оперы «Гранд-опера». Казалось, первым выступлением французские мастера танца захотели продемонстрировать и свои традиции, и свои искания, свою зрелость и свою юность.

Спектакль начался «Сюитой в белом» на музыку Э. Лало. Эта сюита — одна из вариаций столь распространенного теперь в разных странах мира хореографического произведения без сюжета, смысл которого — в демонстрации возможностей танца, богатства танцевальной лексики. И здесь балетмейстер Серж Лифарь передает разнообразие эмоций, настроений, порывов. Подобные балеты, которые продолжают появляться и у нас, как бы вступают в спор с натурализмом и танцевальным искусством, и в этом прежде всего состоит их художественный смысл. Но, быть может, постепенно они изживают себя? Быть может, все эти класс-концерты, танц-симфонии уже сделали свое дело, уже сказали свое слово? Слишком сложна душевная жизнь современного человека для того, чтоб изжить произведения, подобные «Сюите в белом», даже если они гармоничны, стройны, безупречны с точки зрения вкуса, могли захватывать. Но захватывает только то, что откры-

вает новые стороны и глубины человеческого бытия, человеческой души.

Эта мысль, не впервые возникавшая у меня, на спектакле французской балетной группы, когда после «Большого классического па» был исполнен дует на музыку пяти пьес Антона Веберна.

«Большое классическое па», поставленное Виктором Гзовским (музыка Обера), как и «Сюита в белом», продемонстрировало возможности классического танца. Оно увлекло отточенностью формы, виртуозным исполнением балерины Клер Мотт и танцовщика Спирли Атанасова. Но как выиграл рядом с этим дуэтом другой, скромно именованный в программе «Веберн — опус 5».

В этом дуэте возник не «чистый» или только праздничный танец, а танец, рожденный нелегкой душевной жизнью людей, словно сотканный из полутонов и резких красок из всплесков огня и сумеречности. Перед зрителями раскрылись человеческие надежды и стремления, мечтания и неудовлетворенность, поиски и утраты, близость и отчужденность. Хореография Мориса Бежара и психологически насыщенный танец Жан-Пьера Бонфу, а в особенности — Жан-Пьера Бонфу, доказательство, говорили зрителю о сложности

чувств, исканий, мыслей современного человека. Причем, на мой взгляд, хореография здесь идет намного дальше музыки, она богаче и по содержанию, и по языку. А одухотворенность каждого жеста, каждого танцевального движения или позы артиста Жана-Пьера Бонфу доказывает, что современному балету подвластны самые сокровенные стороны душевной жизни. Такое пластическое мастерство, каким владеет этот молодой танцовщик, думается, снимает все еще длящийся спор о соотношении пантомимы и танца в балете, ибо слияние внутреннего действия и танцевального движения здесь достигает подлинной нерасторжимости.

Обаяние балерины Иветт Шовиере в «Умиротворенном лебедь» Сен-Санса — Михаила Фокина помогло вновь доказать, что истинно-чуждый танец, передающий конкретную и значительную по смыслу тему, остается живым и воздействующим. С блеском исполненное па-де-де из «Дон Кихота» Минкуса — Мариуса Петита, в котором выступили Кристиан Власен и Аттилио Лабие, опять подтвердило магнетическую силу классического танца, его права.

Одноактный балет «Дафнис и Хлоя» в первой программе французских артистов оказался наиболее сложным по структуре. Вели-

колебна музыка Мориса Равеля, не захотевшего ограничиться оркестром и создавшего в этом балете специальную партию хора. Сюжет — и пафосный по своему построению, и печальный в своем утверждении любви — истоками уходит к мифы Древней Греции. Декорации и костюмы Марка Шагала — это мир буффонной фантазии, материализованной прежде всего в неповторимом живописном колорите. Какую хореографию искать для балета с подобными слагаемыми?

Когда в декорациях луна стоит на сине-перламутровом небе, как алый парус (или это красный парус на сиреневом-жемчужной воде кажется возшедшим полумесяцем?), как должны двигаться на этом фоне люди? Где найти танцевальные соответствия хоровому пению, этим вскрикам, звучащим то как горестный плач, то как страстные зовы? Трудно обрести хореографические соответствия золотистому пейзажу, пространству-равнине, где, как в рымке облаке, спят двое влюбленных, охраняемые фантастическим животным с красной головой и зеленым туловищем. Талантливый артист Жан-Пьер Бонфу, который, по моему мнению, вышел в первый ряд участников балетного спектакля «Гранд-опера», открыл в Дафнисе драгоценные черты — чистоту, нежность, одухотворенность, определяющие суть персонажа.

Мне кажется, что балетмейстер Жорж Скиби в танцах «Дафниса и Хлоя» нашел нечто важное для поэтики фантастического спектакля. Но подлинное хореографическое открытие балета Равеля им все же еще не сделано.

В программу гастрелей балетной труппы «Гранд-опера» в нашей стране входят и другие произведения. Несомненно, должны еще раскрыться все богатые возможности знаменитой труппы, образующей столь высокий по художественному классу ансамбль. С нетерпением этого ждут наши зрители, и их нетерпение — новый знак нашей постоянной любви и уважения к французскому искусству.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО